

ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ БЫТА В КНИГЕ И. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Т. А. Никонова, Е. В. Юденкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: в статье первая часть романа И. С. Шмелева «Лето Господне» «Праздники» рассмотрена с точки зрения формирования человеческой личности ценностями православного мира и семьи, воспринимающимися как противостояние классовым требованиям формирующейся советской литературы.

Ключевые слова: русская литература XX века; 1920-е годы; роман; литературоведение; И. С. Шмелев; И. А. Бунин.

Abstract: in the article the first part of the novel Shmelev «Year of the Lord» «Holidays» is considered from the point of view of the formation of the human person by dint of the values of the Orthodox world and family, which are perceived as opposition to the requirements of the emerging class of Soviet literature.

Keywords: russian literature of the twentieth century; 1920s; novel; literary criticism; I. S. Shmelev; I. A. Bunin.

Русская литература в результате революции и гражданской войны оказалась разъятой на два непримиримых потока – советскую и литературу русского зарубежья. Оба потока разнились не только идеологически, но прежде всего аксиологически. Долгие десятилетия предстояло существовать в состоянии политической конфронтации литературе метрополии (советской России) и зарубежья. Идейное противостояние диктовало переосмысление всех ценностей, в том числе и в области художественной. И. А. Бунин в речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года «Миссия русской эмиграции», отметил, прежде всего, базовые потери, понесенные не только Россией, но и Европой: «Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека» [1, 150]. Причину этого падения он видит в подмене главных общечеловеческих ценностей интернациональными лозунгами, теперь претендующими «быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское» [1, 150].

Потери, связанные с революцией, по И. А. Бунину, столь кардинальны, что касаются сущностных основ человеческого бытия, освященных «памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культу-рою». Это важное замечание писателя дает ключ к пониманию многих процессов, происходивших в обеих ветвях русской литературы послереволюционных лет. Замена общечеловеческих ценностей интернациональными касалась всех областей жизни – политики, идеологии, всего жизненного уклада. «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах

могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений» [1,150]., – отмечает И. А. Бунин, – стал СССР, поглотивший само имя России; место семьи и дома занял класс, коллектив, поставивший перед собой задачу воспитания «нового» человека [2].

Герой, рожденный революционными боями, существенно отличался от героя «старой» литературы. Он стремился быть лидером, остро ощущал себя частью исторического времени и был мало представим в мирной, бытовой среде. Такая характеристика относима прежде всего к «орнаментальной» прозе, к «героическому эпосу» начала 1920-х годов. Однако ограниченность «орнаментального» героя, его неизбежная плакатность стали естественным тормозом художественного развития. Литература начала вглядываться в своего героя, реального человека революционной эпохи. Место обобщенного, нередко опозитизированного и романтизированного борца должен был занять психологически разработанный и социально мотивированный характер. Сменившаяся задача повлекла за собой смену жанровой стратегии. «Орнаментальную прозу», ведущим жанром которой была повесть, сменил роман.

С середины 1920-х годов и в советской литературе, и в литературе русского зарубежья оформляются различные модификации психологического романа. «Конец 20-х – начало 30-х годов – это рубеж, с которого начинаются длительный расцвет и широкая дифференциация реалистического романа на основе достижений психологического жанра», свидетельствует исследователь советской литературы Л. Ф. Ершов [3, 116–117]. Это замечание представляется важным потому, что оно указывает на смену ориентации советской литературы с модернизма,

чем была по сути «орнаментальная проза», на реализм, художественная практика которого включала не только «широкую дифференциацию» психологического романа.

И как всегда в периоды, «когда закон не отвердел», возникла потребность в обращении к реальной жизни, к прозе быта. Быт, в основе которого – регламентация и порядок [4], став предметом художественного осмысления, открыл для литературы новые горизонты. Прежде всего, он высветил главную проблему, которую должен был решить психологический роман: *как и чем* должен жить человек в мире, лишенном старого «уклада жизни». Эта задача была особенно рельефна на фоне «орнаментальной» прозы, писавшей «внешнего» человека. Новому роману предстояло показать человека «внутреннего».

Эту задачу отчетливо осознавали не только писатели. Б. М. Эйхенбаум отметил в 1926 году: «Мы вступили в полосу *нового развития* исторического и биографического романа» [5, 450]. Курсив наш. – *Авт.*], достаточно точно указав на источник развития романного жанра – историческая реальность (достоверность) и биография (история героя).

Сходные процессы переживала и литература русского зарубежья. В ней так же, как и в советской литературе, окрепло реалистическое крыло, явственнее, чем в дореволюционные годы, проступила мысль о необходимости сохранения традиций русской классики и русской культуры в целом. Такой содержательной установкой был обозначен временной вектор литературы русского зарубежья. Если советская литература была устремлена в будущее, к «новому» человеку, то литература русского зарубежья устами И. А. Бунина заявляла: «...мы хотим не обратного, а только *иного* течения» (курсив наш. – *Авт.*), не соглашалась с теми переменами, которые в корне меняли не только государственное устройство, но и самого человека. Защита «человеческой, религиозной» (И. А. Бунин) основы человеческого быта и бытия и характеризовала в целом «иное» течение истории. В наибольшей степени эти нравственные, «человеческие» принципы реализовал роман И. С. Шмелева «Лето Господне» (1927–1948), первая часть которого «Праздники» была опубликована в 1933 году в Белграде.

Ностальгический характер романа, продиктованный писателю жизненными обстоятельствами – эмиграцией, – объясняет его особое внимание к бытовым деталям. Роль быта в романе «Лето Господне» подчеркивается многими исследователями. Мы же сразу хотим подчеркнуть «не бытовую» смысл старомосковского быта, ставшего предметом изображения И. С. Шмелева. Быт рассмотрен писателем как основополагающее начало формирования характера русского человека. Семья, быт в романе «Лето Господне» исполнены добра и любви к человеку, явля-

ются условием разрешения всех возможных конфликтов. Ни один из персонажей романа, как бы мал и незначителен он ни был, не лишен в нем права на уважение, на реализацию своих лучших человеческих качеств.

И в этом смысл противостояния «Лета Господня» советской литературе, изображавшей героя-борца, исполненного ненависти к своим классовым противникам. Идеализация старомосковского быта, обращение к его патриархальным основаниям в романе очевидны. Сознательность такой авторской установки заставляет принять его как художественное и идеологическое противостояние советским романам, в которых быт изображен в моменты распада, как нечто враждебное, мешающее «новому» человеку. Если в «бытовых» советских романах царят злоба и непонимание («В проточном переулке», «Рвач» И. Эренбурга, «Циники» А. Мариенгофа и мн. др.), то в романе И. С. Шмелева все побеждает любовь и радость. Обратим внимание, что первая часть романа, ставшая предметом нашего анализа, имеет подзаголовок «Праздники». В значительной мере время написания первой части романа (1927–1931) и концептуальность ее подзаголовка заставили нас обратиться к роману И. С. Шмелева.

Так называемые «бытовые» романы в советской литературе всегда имели точную привязку к историческим событиям, нередко указывались и точные даты, как, например, в романе А. Мариенгофа. И. С. Шмелев, напротив, обращается к изображению столь устоявшегося быта и столь прочных традиций, что время в его романе кажется равным вечности. Именно об этой значительности быта, равного бытию, в романе говорит И. А. Есаулов: «Время Шмелева не просто прорывается к вечности через *густой, осязаемый быт* (курсив наш. – *Авт.*), но и само является именно эхом православной вечности, освящающей каждое мгновение циклического земного года» [6, 335].

Каждый православный праздник для главного героя романа – мальчика Вани – не является единичным фактом, имевшим место в «давнопрошедшем времени» и потому и сам он осознает себя «не оторвавшейся частью православного космоса», а «мистической результирующей соборной «святыни» Кремля» [6, 335]. Такое ощущение времени позволяет герою в каждом явлении быта видеть связь с вечным, не исчерпывающимся за жизнь одного поколения.

И. С. Шмелев показывает, как формировалось мировосприятие главного героя Вани, от чьего лица ведется повествование. Оно строится на основе двух важнейших ориентиров: православного календаря, единого для всех, и семейной традиции – в доме строго чтят память прабабушки Устиньи. Ее присутствие, как отметил Е. А. Есаулов, ощущается постоянно. Такое сочетание «общего» и семейного

неразрывно связывает жизнь дома, в котором растет мальчик, с жизнью Москвы, всего православного мира, сообщает смысл каждой бытовой детали. Одежда, пища, хозяйственные дела, развлечения объяснимы, целесообразны. Оттого легко исполняются все обряды и обычаи. Например, в постные дни (особенно – во время Великого поста) все надевают одежду похуже, подчеркивая свою сопричастность мукам Христа; развлечения в пост не время. Ване и хотелось бы поиграть, покататься по начищенному полу, но он знает, что это сейчас неуместно, ведь даже плотники не курят во время поста. Герои являются участниками игры-проживания, игры-напоминания трагического момента в жизни Христа, приобщаются через быт и ритуал к сакральному смыслу. Оттого и Великий пост, время испытаний человека, открывает первую часть романа «Праздники», наполняя и идею праздника новым смыслом. Суть праздника – не в бездумной радости, в подарке нечаянном и нежданном, а в преодолении собственной слабости, ненужного желания, в уклонении от зла.

Обратим внимание на то, сколь сокровенен для И. С. Шмелева процесс созидания личности в ребенке, как мальчик нуждается в любовном внимании, в осознании себя частью семьи, всего православного мира. Вот почему Ваня причастен ко всем хозяйственным делам – уборке дома, сбору урожая, заготовкам на зиму. Причем даже самые скучные дела, например, уборка дома или работа в саду, объяснены и осмыслены. Так, тщательная уборка в доме проводится в Чистый понедельник, в начале Великого поста; яблоки собирают перед Яблочным Спасом и т. д. Для героев И. С. Шмелева бытовые занятия имеют духовный, бытийный смысл, поэтому не воспринимаются как бремя.

Описанию пищи в романе уделяется большое внимание, т. к. приготовление каждого блюда, каждая трапеза – это священнодействие, а не будничная необходимость. Особенно примечательны в контексте Великого поста «грешники» – гречневые постные блины, даже название которых напоминает о необходимости ежедневно думать о своей грешной душе.

Каждый праздник отмечен определенным обрядовым блюдом, которое готовится именно в этот день и никакой другой: на Благовещенье всегда – кулебяка именно с вязигой – «благовещенская»; Пасха запоминается Ване куличами, крашеными яйцами; на Вознесенье пекут «Христовы лесенки» из теста и т. д. Значение каждого блюда объяснено, есть особые правила по приему каждого из них (эта информация содержалась в особых книгах-руководствах), у каждого своя история: Горкин, к примеру, рассказывает Ване о том, почему яйца красят на Пасху именно в красный цвет. Иначе говоря, прием пищи для героев романа – это не просто насыщение. Пища в романе и ритуал ее приготовления не имеют

гастрономического смысла, а воспринимаются как участие в православной жизни.

Для И. С. Шмелева важно, что ритм жизни православного человека строится не только на церковных началах, а вбирает и природные циклы: пост имеет рациональное начало, иначе бы он не прижился в крестьянской среде – во время тяжелых работ на земле поста нет.

Автор выбирает в качестве наставника для Вани старого плотника-филёщика Горкина. Библейская профессия, уважительное отношение отца, возраст и благообразный вид заставляют мальчика воспринимать Горкина не иначе как святого. Для мальчика этот старик – праведник. Вот мысли Вани о нем: «Кто он будет? – думаю о нем, – святомученик или преподобный, когда помрет? Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергей Преподобный: очень они похожи» [7, 75]

Горкин рассказывает Ване обо всех православных праздниках, учит его молиться, ходит вместе с ним в церковь, внушает уважение к традициям Ваниной семьи. Понимание времени как вечности «работает» на идею устойчивости православного быта, его укорененности в поколениях русских людей. Сакрализация времени стирает границу между сиюминутным и вечным, настаивает на повторяемости как признаке нескончаемости времени мифологического. Оттого участие в ритуале, проживание и переживание ритуала как праздника сообщает быту несуетный смысл, позволяет каждому живущему осознать себя и свою жизнь как часть мифологизированной истории, как тобой продолжающуюся вечность.

Однако православный быт, как показывает И. С. Шмелев, не только наделяет человека способностью приобщаться к времени сакральному, но не лишает его и необходимых социальных навыков. Будучи советчиком в делах для Ваниного отца, Горкин учит мальчика присматриваться к его взаимоотношениям с другими работниками. Каждый из них ценится и Горкиным, и отцом по труду и особым умениям, какими тот обладает, а не за принадлежность к определенному сословию. Солдата Дениса прощают за то, что свои копейки пропил, но ценят его, потому что «знаменитый рыболов, приносит всегда лещей, налимов» [7, 52]. И Василь Василича за тот же грех прощают: честный работник, хозяйского добра не возьмет. Помнят и тех, кто теперь уж «там»: Мартын-плотник лучшие пасочницы вырезал – «самому государю был известен», «песенки пел топориком» [7, 74].

Именно труд, добросовестность в его исполнении, убеждает роман И. С. Шмелева, определяют ценность человека, в том мире, центром и лучшим выражением которого является отец Вани.

Это еще одна черта романа, на которой следует остановиться, осмысливая его на фоне становящейся

советской литературы. Авторитет отца базируется на его мудрости и добродетелях, что неустанно подчеркивает Горкин в беседах с Ваней. В этом смысле роман И. С. Шмелева полемически восстанавливает с середины XIX века возобладавшую в русской литературе проблему «отцов и детей» как общественного, идеологического противостояния. В романе «Лето Господне» отец является *нравственным* примером для мальчика. Заметим, что мать почти не представлена в повествовании: роман рассказывает о формировании личности мужчины, будущего хозяина. Не вводя ребенка в деловые обстоятельства, Горкин неизменно подчеркивает мотивы принятия отцом того или иного решения, указывает на его целесообразность. В частной жизни, в воспитании ребенка И. С. Шмелев видит «работу» одних и тех же принципов, позволяющих включить человека и в православный мир в целом, и в семью. Такое единство имел в виду И. А. Бунин, синонимически объединяя «человеческое, религиозное».

В романе И. С. Шмелева «Лето Господне», принадлежащем литературе русской эмиграции, быт, безусловно, идеализирован, что неоднократно отмечалось исследователями романа. В том контексте, в котором мы рассматриваем роман – на фоне советской литературы, формирующей образ лидера, непримиримого борца с человеческими слабостями, умеющего переступить и через семейные пути, – И. С. Шмелев отстаивает совсем иные ценности. Их идеализация диктуется в данном случае не только литературным проти-

востоянием. Роман «Лето Господне» всем своим поэтическим строем, в том числе и поэтизацией русского православного быта, отстаивает как нравственную ценность образ русского человека, живущего, как и учил Горкин, с добром в сердце.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции. // И. А. Бунин. Публицистика 1918-1953 годов. Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Вступ. ст. О. Н. Михайлова; Комментар. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. – М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – 640 с.

2. См. об этом подробно: Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900-1930-х годов: проективная модель и художественная практика». Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С.106–152.

3. Ершов Л. Ф. Русский советский роман (Национальные традиции и новаторство) / Л. Ф. Ершов. – Л. : Наука, 1967. – 340 с.

4. Быт – «Общий уклад жизни; совокупность обычаев и нравов, присущих какому-либо народу, определенной социальной группе и т.п.» // СРЯ в 4-х т. Т. 1. – Москва : Русский язык, 1985. – С.130.

5. Эйхенбаум Б.М. О прозе: Сб. статей / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Художественная литература, 1969. С. 450.

6. Есаулов И. А. Русская классика: Новое понимание / И. А. Есаулов. – СПб. : Алетейя, 2012. – 448 с.

7. Шмелев И. С. Лето Господне; Человек из ресторана / И. С. Шмелев; сост., вступ., коммент. О. Н. Михайлова. – М. : Дрофа: ВЕЧЕ, 2006. – 541 с.

Воронежский государственный университет

Никонова Т.А., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора.

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru

Юденкова Е. В., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: hatonhead@mail.ru

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Yudenkova E. V., Post-graduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: hatonhead@mail.ru